

Ферал Фавн

**Повстанческая дикость:
игровое насилие или бунт?**

”Мы не просто говорим о насилии, насилие — это элемент нашей повседневной жизни . . . условия, в которых мы вынуждены жить . . .”

Os Cangacieros

Общественный контроль невозможен без насилия. Общество создает системы рационального насилия для социализирования людей, чтобы преобразовать их в полезные для него ресурсы. В то время, как некоторые эти системы — например, военная, полиция и уголовная, все еще могут рассматриваться отдельно из-за очевидной жестокости их насилия, для большинства эти системы стали настолько взаимосвязанными и распространенными, что они действуют как единое целое — целое, которым является общество, в котором мы живем.

Это систематическое насилие существует, в основном, как постоянная основная угроза — тонкий, иногда скучный, повседневный терроризм, вызывающий страх заступить за линию. Указания и приказы начальства, которые угрожают нам наказанием или нищетой, вооруженные, одетые в форму головорезы, которые здесь для того, чтобы “защищать и служить” (серьезно?!?), заграждения и газетных заголовков о войнах, пытках, серийных убийцах и уличных бандах, — все это погружает нас в атмосферу тонкого, основополагающего, рационализованного общественного насилия, который вызывает у нас страх и подавляет наши собственные насильственные страсти.

В связи с систематическим общественным насилием, окружающим нас, не удивительно, что люди склонны считать любое насилие единым, монолитным целым, а не специфическими действиями или путями отношений. Система насилия, созданная обществом, стала монолитом, который действует лишь в целях своего сохранения. В ответ на эту монолитную систему насилия развивается “патология пацифизма”. Неспособные видеть далее социальных категорий, пацифисты создают фальшивую дихотомию, ограничивая вопрос насилия этическим\интеллектуальным выбором между признанием насилия единой системой и полным отказом от него. Пацифизм — это идеология, которая устанавливает общий общественный мир своей конечной целью. Но общий общественный мир требует полного подавления страстей людей, которые приводят к отдельным случаям насилия, а это потребует полного общественного контроля. Полный общественный контроль возможен только при условии постоянной угрозы полиции, тюрьмы, терапии, социальной цензуры, дефицита или войны. Так что пацифистские идеалы требуют единую систему насилия и отражают социальные противоречия врожденной необходимости в том, что власть стремится сохранить мир для того, чтобы сохранить успешно работающую социальную систему, но это можно сделать только путем поддержания рационализованной системы насилия.

Рационализованная система насилия не только закрепляет себя, но также вызывает ответные меры, обычно в форме слепого критики взволнован-

ных людей, чем система в последствии манипулирует для оправдания своего собственного постоянного существования, но иногда и форме сознательного мятежного насилия. Наши насильственные подавленные желания превращаются в просто ощущение насилия, становясь медленно убивающим, постоянным насилием стресса и тревоги. Очевидно, что миллион слабеньких укулов унижения, которые происходят между людьми на улицах и в общественных местах каждого города — взгляды отвращения и враждебности между незнакомцами, словесные перебранки, вызывающие чувство вины, и порицание между предполагаемыми друзьями. Это неуловимые и наиболее общие формы рационализованного насилия — каждая из которых соответствует страху раздражения друг друга. Такие формы насилия практикуются пацифистами.

”Я не мечтаю о благородной революции. Мои страсти тяготеют к замене насилия, дикости жизни, не признающей ничего.”

Рауль Ванейгейм.

Те из нас, которые борются за свободу создания собственных жизней, нуждаются в отказе от обеих сторон выбора, предлагаемого обществом, между пацифизмом и систематическим насилием, потому что подобный выбор является попыткой социализирования нашего восстания. Вместо этого мы можем создать наши собственные варианты, создавая веселый и страстный хаос действия и отношений, которые, в одно время, могут выражать себя сильным и жестоким насилием, в другое, благородной нежностью, или любым другим путем выражения наших страстей и капризов, движущих нами в конкретный момент. И отказ от насилия, и его систематизация — это нападение на наши страсти и нашу уникальность.

Насилие является одним из аспектов взаимодействия животных и наблюдения насилия между животными опровергает некоторые обобщения. Насилие среди живых не укладывается в формулу социального дарвинизма, в нем нет постоянной войны всех против всех. Скорее, в определенные моменты ввиду определенных обстоятельств индивидуальные проявления насилия вспыхивают и исчезают по прошествии момента. Не существует никакого систематического насилия в дикой природе, но, вместо этого, существуют мгновенные выражение специфических страстей. Это разоблачает одно из основных заблуждений пацифизма. Насилие, само по себе, не сохраняет насилия. Социальная система рационализованного насилия, неотъемлемой частью которой является пацифизм, сохраняет себя как систему.

Не систематизированное, страстное, игровое насилие является адекватным ответом система насилия. Насилие играет очень распространено среди животных и детей. Преследование, борьба и сбивание с ног друзей, ломание, превосходство и ярость — это аспекты игры свободной от правил. Сознательный бунтарь также играет, но с реальными целями и с намерением причинить

реальный ущерб. Целями подобной дикой игры в нынешнем обществе могут быть институты, товары, социальные роли и культурные иконы, а также человеческие представления подобных институтов, особенно в случаях, когда они представляют непосредственную угрозу свободе каждого создавать свою жизнь согласно своим желаниям.

Самооборона никогда не была причиной восстания. В действительности, самооборона, вероятно, лучше всего достигается путем признания статуса кво или его преобразования. Восстание — агрессивное, опасное, игровое действие духовно свободных личностей против системы. Отказ от системы насилия, отказ от организованной военизированной формы вооруженной борьбы, позволяет насилию повстанцев сохранить высокий уровень “невидимости”. Оно не может быть понято властью и взято под контроль. Его повстанческая природа может быть не замечена властью, так как оно рождается вдали от основ социального контроля. С рационализированной точки зрения власти подобное игровое насилие обычно появляется совершенно случайно, но, на самом деле, оно находится в гармонии с желаниями восставших. Это игровое насилие восстания убивает “непреднамеренно, как шаг к счастью без оглядки”.

В игровом насилии или восстании нет места сожалениям. Сожаление ослабляет силу удара и делает нас осторожными и робкими. Но сожаление возможно только когда насилие рассматривается как моральный вопрос, и для повстанцев, которые борются за свободу жить согласно своим желаниям, мораль — всего лишь другая форма социального контроля. Когда повстанческое насилие проявляется в игровой форме, сожаление кажется абсурдным. В беспорядках (кроме полицейских) и спонтанных выступлениях (да и в небольших актах вандализма) радостное отношение очевидно. В освобождении насильственных страстей, которые не могли быть удовлетворены долгое время, есть интенсивная радость, даже эйфория. Избивать лицо общества — сильное удовольствие, и этим стоит наслаждаться, а не стыдиться, винить себя или сожалеть. Кто-то может сказать, что подобное отношение может привести к тому, что насилие выйдет из-под контроля, но избыток повстанческого насилия — это не то, чего нам стоит бояться. Как только мы избавимся от репрессий и освободим наши желания, и конечно наши жесты, наши действия и наш путь существования будут все более расширяться и все, что мы будем делать, мы будем делать с избытком. Наша щедрость будет казаться чрезмерной и наше насилие будет казаться чрезмерным. Нерепрессированные, необузданные повстанцы будут раскидывать вещи. Массовые беспорядки и восстания не смогли стать чем-то большим временного освобождения, не по причине избыточности, а ввиду того, что люди не изменились. Люди не верят своим страстям. Они боятся чрезмерности своих желаний и мечтаний. Поэтому они отказались или превратили свою борьбу в новую власть, новую систематизацию насилия. Но разве может повстанческое насилие стать действительно чрезмерным, когда не будет ни институтов социального контроля, ни власти, ни икон культуры, которых было

бы нужно уничтожить, стереть в порошок?

Если то, чего мы хотим, это мир, в котором каждый сможем сам определять свою собственную жизнь, свободную от ограничений, устанавливать контакт друг с другом согласно своим желаниям, а не в соответствии с социально определенными ролями, то мы должны признать, что насилие иногда будет разгораться, и что в этом нет ничего плохого. Обилие страстей включает в себя сильные проявления ненависти и гнева — это насильственные эмоции. Но подобное насилие будет использоваться тактически, но не систематично. Оно будет разумным, но не рационализированным. И ни при каких обстоятельствах оно не будет сохраняться, потому что оно индивидуально и временно, расходует себя в своем свободном страстном проявлении. Ни ненасильственные нравоучения, ни систематическое насилие военной борьбы не смогут сломать власть, потому что и то, и другое требуют некоторых форм власти. Только необузданное страстное насилие повстанцев, играющих в одиночку или друг с другом, имеет все шансы уничтожить это общество . . .

”Все вперед!

С оружием и сердцем,

Речью и ручкой,

Кинжалом и винтовкой,

Грабя, отравляя и поджигая,

Давайте начнем . . . войну с обществом.”

Dejaque

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Ферал Фавн

Повстанческая дикость: игровое насилие или бунт?

1992

Впервые опубликовано в "Anarchy: A Journal Of Desire Armed" Issue #33 (лето 1992).

Переиздано издательством Elephant Editions
(Лондон) в 2000/2001 в сборнике "Feral Revolution".

Перепечатано в памфлете "The Iconoclast's Hammer"
коллектива Venomous Butterfly Publications.

Текст на английском: anti-politics.net
12 сентября 2011 по ссылке: primitiv.anho.org